

«СКИФСКИЙ РОМАН» И ЕГО ГЕРОЙ: М.И. РОСТОВЦЕВ И ЕГО МЕСТО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Фундаментальная монография под общей редакцией академика Г.М. Бонгард-Левина «Скифский роман» (М., 1997), повторяя заглавие статьи выдающегося русского историка и археолога М.И. Ростовцева, отмечает процесс становления достаточно своеобразного жанра в отечественной историографии.

Появление этого объемного труда (свыше 100 авт. л.) в середине 1997 г. предшествовало отмечаемому с начала 1999 г. 275-летию юбилею Российской Академии наук, а также и Петербургского университета. Герой «Скифского романа» академик Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), один из наиболее ярких и масштабных представителей исторической науки XX века, ровно 20 лет своей жизни отдал работе в университете (1898–1918), а звание академика получил в 1917 г., незадолго до отъезда из Советской России. Рассматриваемая монография, таким образом, позволяет весьма своевременно выявить и оценить вклад ученого в развитие этих научных учреждений России, равно как их позиции и значение в мировом научном процессе.

Перед нами – опыт «научной биографии», основанный прежде всего и по преимуществу на архивных документах (переписке и кратких научных работах, отчетах, записках), сопровождаемых в основном сжатыми и необходимыми комментариями. Они написаны высококвалифицированными специалистами. Отмечу среди них прежде всего своих бывших студентов, активных участников издания – археолога-сарматолога и историографа археологии В.Ю. Зуева и его коллегу, ученого секретаря, а ныне директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И.В. Тункину. Подбор и комментирование документов, общий обзор жизни и деятельности М.И. Ростовцева осуществлены специалистами, оценивающими не только историографическую значимость научных трудов М.И. Ростовцева, но и представляющими перспективу намеченных им путей исследования в актуальном контексте современной российской науки. Научный редактор, глава и инициатор издания академик Г.М. Бонгард-Левин дополнил своих соавторов прежде всего зарубежными архивными материалами, изученными в Англии и США (Висконсин, Йель, Дарем), что впервые позволило связать в единое целое научную биографию М.И. Ростовцева во внутренней логике и драматичных противоречиях ее российского (до 1918 г.) и зарубежного (после 1918 г.) этапов. Все это вместе взятое заставляет отнести представленный труд к формирующемуся на наших глазах особому течению «рефлексирующей археологии», на мой взгляд, приобретающей все большее значение в научном процессе, в акте самопознания и самосознания науки, который, возможно станет существенной ее составляющей в ближайшие десятилетия¹.

«Скифский роман» представляет собою прежде всего исследовательский труд в области источниковедения современной историографии. Монография состоит из пяти частей. Часть 1 – «Архивное наследие М.И. Ростовцева» – обзор основных фондов отечественных и зарубежных архивов, часть 2 – «Жизненный путь: Россия – Англия – США» – автобиографические и биографические материалы М.И. Ростовцева, часть 3 – «Встречи: друзья, коллеги, враги» дополняется частью 4 – «Эпистолярное наследие», в части 5 представлены неопубликованные материалы лекций М.И. Ростовцева.

¹ Лебедев Г.С. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. конф. 11–13 декабря 1990 г. СПб., 1993. С. 4.

Из 600 страниц общего объема (дополненных 23 стр. именного указателя) более 300 страниц занимают тексты и письма самого М.И. Ростовцева и некоторых из его корреспондентов. Их дополняют 120 страниц тщательно выстроенного научного аппарата, к нему же следует отнести материалы к библиографии научных работ М.И. Ростовцева (30 страниц). Примерно четвертую часть объема заняли собственно исследовательские очерки, порядка 150 страниц авторского текста Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.В. Тункиной и др. Особо должно отметить 24 листа фотоиллюстраций, где представлена галерея портретов М.И. Ростовцева (разных лет), его друзей, учителей и коллег, блистательной плеяды отечественных и зарубежных ученых и деятелей культуры конца XIX – первой половины XX века: Н.П. Кондакова, С.А. Жебелёва, Я.И. Смирнова, Ф.И. Успенского, В.В. Латышева, И.М. Гревса, С.Ф. Ольденбурга, Б.А. Тураева, А.А. Васильева, Г.В. Вернадского, Вяч. Иванова, И.А. Бунина, Т. Моммзена, В. Дерпфельда, Э. Миннза, У.Л. Вестерманна и др.

Фотодокументация включает также весьма ценные, хотя и немногочисленные материалы о раскопках Дура-Европос. Среди этих фотографий – аэрофотосъемка 1936 г. с общим видом городища, первоклассная фотофиксация исследованной фортификации, уникальные архитектурные комплексы, росписи и рельефы синагоги, храма Азаннатконы, святилища Митры, а также вещественные материалы, хранящиеся в коллекциях Йеля. Стоит отметить также съемки Помпей, фотографии М.И. Ростовцева и его коллег в Риме и др.

Ценность представленной фотодокументации многократно возрастает в связи с первым систематичным обзором архивных фондов М.И. Ростовцева в собраниях Санкт-Петербурга и других научных архивах России, в Англии и США, где особо должен быть отмечен Йельский фонд. Выделены «Памятные книжки» М.И. Ростовцева, материалы, относящиеся к многолетним отношениям его с Г.В. Вернадским (1924–1940) и др. Вероятно, для следующих поколений, которые будут обращаться к этому изданию, стала бы полезной хотя бы предварительная сводная статистика архивного фонда М.И. Ростовцева, а также его единая рубрикация, соотносящая материалы разных собраний с конкретными этапами жизни, сферами научных интересов и направлениями исследований ученого.

М.И. Ростовцев как археолог и историк преимущественно «петербургской научной школы» в предреволюционной России, – безусловно, наиболее значимый представитель заключительного этапа развития дореволюционного российского антиковедения. Наряду с В.В. Латышевым, Б.В. Фармаковским и С.А. Жебелёвым он создал те фундаментальные конкретно-исторические и теоретико-методические основания, выраженные прежде всего в опубликованной спустя годы после его отъезда первой части монументального исследования «Скифия и Боспор» (Л., 1925), которые стали базой (признаваемой или нет за таковую – вопрос особый) для дальнейшего развития историко-археологических исследований восточноевропейской «варварской периферии» античного мира в советский период развития отечественной исторической и археологической науки. Не только названные выше соратники и единомышленники М.И. Ростовцева, впоследствии сотрудники ГАИМК-ИИМК в Петрограде-Ленинграде (1919–1941 гг.), но и их прямые и опосредованные ученики из «ленинградской школы» (такие, как М.И. Артамонов и его студенты, аспиранты и докторанты) долгие десятилетия сохраняли сознание этой преемственности и взаимосвязи на уровне «устного предания» и тщательно маскируемых ссылок в научном аппарате². Лишь сравнительно недавно, в 1989 г. «Ростовцевские чтения» в ЛОИА (ныне ИИМК РАН) вернули отечественной науке замечательное имя М.И. Ростовцева, что безусловно следует считать началом своего рода качественного сдвига в отношении к дореволюционной историографии³. Следующий этап этого изменения собственно и представляет собою монография «Скифский роман».

² Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Ленинград–Прага, 1966. С. 88 и др.

³ Лебедев Г.С. История отечественной археологии, 1700–1917. СПб., 1992. С. 444.

Этот качественный сдвиг, на мой взгляд, – проявление более обширного и глубокого общекультурного процесса современной действительности не только в России 1990-х годов, но и в мире в целом. В середине XX столетия после освоения ядерной энергии начался процесс самопознания науки. Вопрос о самой этой возможности в первой половине столетия ставился как один из ключевых основателями философии экзистенциализма⁴. Разрешение его потребовало освоения трагического и масштабного опыта военных лет и послевоенных десятилетий, когда проблема нравственного выбора и ответственности ученых встала перед общественным сознанием как решающая – для выживания и самоопределения не только отдельной личности, но и всего человечества⁵.

Рефлексия процесса развития науки – характерная черта второй половины, а особенно завершающих десятилетий XX в., когда (в числе других подобных) появились обзоры истории отечественной археологии, исследования региональных и специальных научных школ, охватывающие предшествующие полтора–два столетия (иногда и с существенно более ранней предисторией)⁶. При этом рост объема фактических данных по всем науковедческим показателям заставляет поставить вопрос о специальных принципах ретроспекции, распространяемой на ближайший и текущий научный процесс.

Ключевыми для современного науковедения стали понятия, разработанные в трудах американских теоретиков науки. Томас Кун выделил и развил представление о научной парадигме, сумме теоретических средств⁷, а Марк Вартофский ввел понятие эпистемы, конкретно-фактографической «картины мира»⁸. Так была определена структура науковедения как «исторической эпистемологии», т.е. исследования исторического развития эпистемы, происходящего путем революционной смены парадигм⁹.

Археология, рассматривая историографически процесс собственного развития как последовательной смены/взаимодействия развивающихся парадигм/эпистем, в данном случае реализует – в целях самопознания – и свой собственный, специфический потенциал как средства объективации исторического знания¹⁰. Появляется уникальная, требующая особого изучения и освоения возможность стабилизации ориентирующей функции в общественном развитии, реализуемая применительно к процессу развития археологического знания как особому объекту познания. «Скифский роман» представляет собою осознанный или подсознательный опыт такой реализации помимо бесценного во многих отношениях фактического материала, сосредоточенного в монографии. Она превосходно иллюстрирует тот момент развития, когда теоретическая трансформация парадигмы совпадает с максимальным расширением конкретно-исторического археологического знания (эпистемы) в хронологическом, пространственном и структурном аспектах.

В России XX века археология следовала реальным социально-политическим трансформациям на протяжении практически всего столетия (особенно выделим со-

⁴ Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 91.

⁵ Черкашин Г.Н. Избранный день: самопознание на фоне атомного греха. СПб., 1995.

⁶ Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961; он же. Страницы истории русской археологии. М., 1986; он же. Русские археологи до и после революции. М., 1995; Кахановский Г.А. Археология і гістарычнае краязнаўства Беларусі у XVI–XIX ст. Минск, 1984; Тихонов И.Л. Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917–1936) // Вестник ЛГУ. 1988. № 3. Вып. 16. С. 8–16; Зув В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева: к созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства» // ВДИ. 1990. № 4. С. 148–153; 1991. № 4. С. 166–176; Лебедев. История отечественной археологии...; Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

⁸ Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание. М., 1988.

⁹ Лебедев. История отечественной археологии... С. 8.

¹⁰ Там же. С. 450–451.

ветскую эпоху 1917–1991 гг.). Объективация ориентирующей функции, базовой для исторической науки (*historia magistra vitae est*), в этих условиях означает необходимость включения представлений обо всем объеме прошлого цивилизационного процесса в структуру актуальной реальности и перспективу ее будущего. Проблема культурного наследия сближается с проблемой социально-политического и экологического выживания человечества, культура становится аспектом экологии.

Жизненный и научный путь М.И. Ростовцева с поразительной емкостью, а иногда и с пронзительной точностью деталей «моделировал» и предопределил эти общенаучные процессы, причем не только для российской, но и для мировой гуманитарной науки. Научная деятельность его как историка и классического филолога по образованию начиналась (и сохраняла эту ориентацию до заключительного этапа) в сфере изучения эллинистической и римской истории, прежде всего экономической истории древности. С докторской диссертации 1903 г. он вовлекает в круг исторических источников археологический материал (в частности римские свинцовые пломбы – тессеры), а от систематизации этих находок из коллекций Ольвии и Херсонеса. М.И. Ростовцев в ходе серии заграничных командировок, «ученых путешествий» непосредственно ознакомивших его с материалами ряда значимых памятников античного мира, переходит к изучению целостной структуры античной культуры, включая такие ее разделы, как античная декоративная живопись погребальных памятников Северного Причерноморья, где он впервые дебютирует как профессиональный археолог, последовательно расширяя и углубляя свой квалификационный уровень в этой научной специализации.

Главной темой занятий Ростовцева в дореволюционный период стала история Боспорского царства с ее крупной и новой для науки проблемой «эллинизма и иранства». Монография «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических», завершенная к моменту отъезда ученого в 1918 г. (опубликована лишь в первой части в 1925 г.), представляет собою развернутое и полное изложение культурно-исторической концепции, раскрывающей роль древневосточного культурного пространства в мировом историческом процессе.

Исследование построено на сумме теоретико-методических принципов, которые составляют основу самостоятельного научного подхода. Синтетично-структурный по своей сути, он может быть обозначен как культурно-исторический. М.И. Ростовцев стал фактически создателем новой научной парадигмы, предлагавшей археологии решения и принципы, более глубоко раскрывающие суть исторического процесса, нежели господствовавшая в его время и сохраняющая позиции и в наши дни научная парадигма, действенная для таких известных археологов России XX века, как А.А. Спицын, М.И. Артамонов, В.В. Седов и др., – парадигма этнологическая, основанная на безусловном тождестве «культура = этнос»¹¹.

Круг задач, определявшийся М.И. Ростовцевым как перспективный для современной ему причерноморской археологии, был актуален и для других разделов исторической науки. Скифия и Боспор, или «эллинизм и иранство», оказались впервые поставленной и решенной проблемой культурного синтеза, выявленного при изучении эллинистических, скифских и сарматских древностей. В исторической перспективе этот процесс охватывал всю Восточную Европу от Черного моря до Ладоги и Балтики, когда стержневой его магистралью стал «путь из варяг в греки» (от северного варварства к эллинистическо-христианской духовности), заканчивавшийся в греческом Херсонесе (Корсуни)¹². Здесь, в эллинистическо-византийском Херсонесе и полисах

¹¹ Там же. С. 385.

¹² *Лебедев Г.С.* «Скандовизантия» и «Славотюркика» как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература. 1995. № 3. С. 30–41; *он же.* «Скандовизантия» и «Славотюркика» как координаты русского национального самосознания // Канун: Альманах / Под общ. ред. акад. Д.С. Лихачева. СПб., 1996. С. 55–92; *Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б.* Дракон «Нево» на пути из Варяг в Греки: археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. СПб., 1999.

Боспора постепенно осуществлялся этот «понтонтийский синтез» – важнейшее из открытий М.И. Ростовцева, формирующее действенную и в наши дни историко-культурную эпистему научных знаний о древнем мире.

Города Боспора в исследовании М.И. Ростовцева впервые выступили очагом взаимодействия последовательно сменявших друг друга историко-культурных факторов: скифо-эллинический синтез сменялся сармато-эллинистическо-римским, который перерастал в готско-сармато-римско-византийский, затем варяго-славяно-хазаро-византийский. Понтийское «Средиземноморье», открытое степным и лесным пространствам «Барбарика», именно на Боспоре обрело мощный потенциал, преобразовавший Европу эпохи Великого переселения народов. Скифия античной традиции была концентрированным выражением, сакрализованной моделью всего евразийского мира, а система отношений «Скифия–Боспор», выявленная и исследованная М.И. Ростовцевым, в период перехода от античной древности к европейскому средневековью – моделью всего европейского культурно-исторического пространства.

Это открытие составляет ядро научной биографии М.И. Ростовцева, определившей его жизненный путь во всех аспектах. В своей автобиографии, опубликованной в «Скифском романе», он на склоне лет подчеркивал определяющее значение для него археологии (с. 46), с помощью которой последовательно раскрывались в его исследованиях такие культурно-исторические явления древности, как Южная Россия, иранский мир, звериный стиль, Парфия, Боспор, наконец, Дура-Европос.

Эллинистический урбанизм Понта Эвксинского, древнегреческих колоний Северного Причерноморья, памятники которых (с грабительских кладоискательских раскопок некрополей в конце XVIII – начале XIX в.) составляли основу наиболее оформившейся и развитой «классической (античной) археологии», сохраняли значение эталона и наиболее ценного первоисточника исторических знаний о начальных этапах истории «Европейской Скифии». Классические своды литературных и палеографических памятников (акад. В.В. Латышев¹³) служили надежным пособием не только для историков, но и для археологов, позволяя развернуть планомерное изучение крупнейших понтийских полисов: Херсонеса, Ольвии, Пантикапея (работы К.К. Косцюшко-Валюжинича, Б.В. Фармаковского, М.И. Ростовцева и др.). Проблема «эллинизма и иранства», взаимодействия скифской и древнегреческой культур, стала в середине следующего десятилетия XX века в получивших мировое признание трудах Б.В. Фармаковского и М.И. Ростовцева, быть может, наиболее существенным вкладом российской историографии в мировое гуманитарное знание.

Столь популярная в нынешней исторической литературе тема «Великой Степи» (Л.Н. Гумилев) впервые получила объемную и точную характеристику в исследованиях М.И. Ростовцева о скифах и, главным образом, сарматах – наиболее мощных контрагентах, партнерах и конкурентах эллинистическо-римского и готско-гуннского миров. Структура, функции общественных групп, принципы внутренней организации и внешних отношений сарматского «степного рыцарства» с античными полисами и земледельческой периферией лесной зоны – эти характеристики кочевников рубежа эр существенно обогащают конкретным знанием историческую науку вплоть до наших дней.

Это знание во всем объеме новых данных, полученных за десятилетия полевых исследований в советскую эпоху, поразительным образом подтверждает некоторые итоговые выводы М.И. Ростовцева, например, об отсутствии генетической преемственности между историческими савроматами и сарматами; о том, что каждая новая археологическая культура в сарматском мире принадлежит разным по своему происхождению объединениям кочевников, или о том, что источником каждой новой

¹³ Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 172–288.

волны кочевников и каждой новой их культуры является история народов «Средней Азии»¹⁴.

Генезис концепции М.И. Ростовцева – плод наивысшего подъема предреволюционной отечественной науки. Масштаба и глубины этого подъема (не только в археологии) мы не в состоянии оценить до сих пор. Методологический потенциал российской археологической науки в этот период, вопреки принятым в советское время стереотипам оценок, был достаточно высоким и охватывал практически весь теоретический аппарат, выработанный мировой археологией, а в некоторых отношениях раскрывал новые горизонты методологии. Обобщение археологических материалов России, выполненное В.А. Городцовым («Первобытная археология» 1908; и «Бытовая археология», 1910), основывалось на историко-культурной концепции Л.А. Мечникова («Цивилизация и великие исторические реки: географическая теория развития современных обществ», 1899), реализовавшей положения географо-экологической парадигмы Э. Реклю («Всеобщая география. Земля и люди», 1873–1894). Ставшая по сути дела основанием современной культуро-экологической парадигмы (см., например, труды Д.Н. Анучина), эта теоретическая конструкция позволяла использовать и сложившийся научный аппарат действовавшей в археологии «этнологической парадигмы» (тождество «культура = этнос», «теория миграций», «теория диффузий/влияний») для создания целостной и законченной «археологической версии» всемирно-исторического процесса, широкой «картины мира» в хронологическом диапазоне от палеолита до средневековья, впервые представленной применительно к России в обобщающем обзоре В.А. Городцова.

Дальнейшее совершенствование методологии и систематизация эмпирического материала, составлявшие деятельность В.А. Городцова в Москве, А.А. Спицына в Петербурге и формируемых ими основных научных школ российской археологии, требовало не только новых теоретических конструкций, с которыми во втором десятилетии XX века уверенно выступил М.И. Ростовцев. Как и в наши дни, смена парадигм для расширяющейся эпистемы нуждалась и в глубоких внутренних реформах организационной структуры археологической науки России.

Революционные события 1917 г. отмечены появлением ряда таких предложений. Наиболее законченные из них излагались в программной статье М.И. Ростовцева, вынужденного, однако, с началом в 1918 г. в Петрограде «красного террора» покинуть Россию. Начальные главы и документы «Скифского романа» достаточно полно раскрывают драматизм этого времени. Разделы эти касаются роли в научном становлении М.И. Ростовцева выдающегося российского археолога, основоположника украинской археологии и национальной научной школы В.Б. Антоновича, взаимодействия и творческого сотрудничества в дальнейшем с ведущими отечественными специалистами по византиноведению и античности, такими, как Ф.Ф. Зелинский, Н.П. Кондаков, С.А. Жебелёв; ими во многом были определены те продуманные и глубокие представления об историческом процессе и об особенностях преподавания исторических знаний, с которыми М.И. Ростовцев приступил к своей деятельности в Петербургском университете.

Читатель найдет в этих главах весьма актуальное раскрытие таких базовых понятий научного знания, как исторический процесс, эволюция, аналогия, субстрат. Особо значимо, на мой взгляд, методологическое место в историческом исследовании (и образовании) наряду с отмеченным уже значением археологии, и такой традиционной, казалось бы, формы, как «ученое путешествие». Биографические материалы содержат великолепные характеристики этого безусловно актуального и продуктивного способа исторического познания в деятельности самого М.И. Ростовцева. Он посетил, кроме европейских стран, Египет, дальнейшие пути привели его в Индию, Индокитай, Индонезию, и эти поездки не были данью географического любо-

¹⁴ Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии ранне-сарматской культуры: Дис... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 36.

пытства и экзотического времяпрепровождения университетского профессора, каждая из них давала новый мощный импульс к осмыслению глобального исторического процесса.

Особое место занимает в «Скифском романе» «социальный портрет русского ученого» (с. 65 сл.). В 1909–1914 гг. М.И. Ростовцев проявил себя как выдающийся организатор науки. Внимание к изучению Боспорского царства и других полисов Северного Причерноморья обеспечивали и такие события, как посещение императором Николаем II Херсонеса Таврического. Продуманная «Скифская программа», представленная М.И. Ростовцевым в Императорскую Археологическую комиссию, стала, невзирая на все последующие катастрофические трансформации, практическим руководством по развитию античной археологии Северного Причерноморья в советские десятилетия.

Должен отметить, что эта программа была подготовлена и представлена М.И. Ростовцевым в разгар революционных событий 1917 г. Авторы «Скифского романа» опустили по неясным причинам достаточно значимые свидетельства И.А. Луначарской об отношениях ее семейства с родственниками – Ростовцевыми¹⁵. Они в определенной мере проясняют и подкрепляют основательность в целом взглядов М.И. Ростовцева на постулаты «пролетарской культуры» А.В. Луначарского (с. 51, 74), еще рельефнее выраженные в статье историка, вышедшей в 1917 г. Цитируя эту статью, как и «Фасад России», прощальную публикацию 1918 г., авторы «Скифского романа» заставляют примерить к современной России горькие и во многом справедливые оценки М.И. Ростовцева: «Мы все ленивы и не любим труда...» (ср. Пушкина! – Г.Л.). Их не стоит, конечно, вырывать из более емкого контекста и атмосферы душевной горечи неизбежного прощания с родиной. На мой взгляд, однако, существенна не только прогностическая сила оценок Ростовцевым положения в нарождающейся Советской России (за которым с напряженным вниманием следил он и десятилетия спустя). Столь же горькой и емкой была его характеристика дореволюционного положения дел: «Нигде так ясно не сказалось основное горе России, ее первородный грех, ее органическая беда, усиленная губительной политикой русского самодержавия... Науку официальная Россия поддерживала только как *desouper*, а не как жизненный орган, обеспечивающий ее существование... До сих пор, можно сказать, поддержка науки в России государством была плохо прикрытой фикцией. Государство стремилось этим путем держать науку в своих руках, пользоваться ею, как послушным инструментом». Социальный портрет (с. 73–75) стоило бы дополнить авторской самооценкой положения дореволюционного русского ученого: «Чувство моральной приниженности играет здесь, конечно, главную роль... Старая Россия боялась ученых, не верила им, ставила их в унижительное и тяжелое положение. Не велик был "почет" служить буфером между государством, которому ученая Россия не верила и с которым боролась вместе со всей интеллигенцией, и которое в свою очередь не верило ученым, и студенчеством, которое склонно было видеть в защите учеными науки защиту ими правительства»¹⁶.

В этом контексте обретают особое значение те усилия, которые М.И. Ростовцев прилагал к развитию ряда начинаний Временного правительства, как обстоятельно документируют материалы, сосредоточенные в разделах И.В. Тункиной (с. 87 сл.). Снова мы обнаруживаем поразительную актуальность ряда проблем: например, по вопросам охраны памятников (и земельных участков «охранной зоны») под многими требованиями Ростовцева могли бы подписаться некоторые нынешние депутаты Государственной Думы РФ¹⁷. «Заря демократических надежд» между двумя «имперски-

¹⁵ Луначарская И.А. Из семейных воспоминаний // Русская литература. 1979. № 4. С. 189–204.

¹⁶ Ростовцев М.И. Наука и революция // Русская мысль. 1917. Т. IX–X. С. 1–16.

¹⁷ См., например, Общая газета. 22–28. 04. 1999. № 16 (298).

ми эпохами» (в принципе более или менее равноценными для развития науки) была столь же тревожной и непрочной, что и в наше время в реформируемой России.

Надежды, вдохновлявшие М.И. Ростовцева, также остаются актуальными в наши дни. Можно отнести это и к его установкам на развитие «отечествоведения», в трудах И.М. Гревса, Н.П. Анциферова и других петербургских исследователей начала века обретавшее начальные очертания, востребованные после десятилетий забвения и с лихорадочной интенсивностью развиваемые, например, в современном «москвоведении», «петербургике», «регионалистике» и т.д.¹⁸ Актуальность их, при не востребованости в Советской России, вызвала не только все более трезвые и горькие оценки пути, по которому двигалась в своем развитии страна, но и дополнялась человеческой тревогой за судьбы не только дела, но и людей, оставшихся служить ему на родине. «Дело» академика С.А. Жебелёва, как и ряд других «дел», свидетельствует не только о переживаниях, но и попытках М.И. Ростовцева следить за судьбами Академии наук в первое десятилетие эмиграции.

Швеция, куда он прибыл летом 1918 г., приняла его почтительным и любезным покровительством патриарха скандинавской археологии Оскара Монтелиуса (с. 75). Намеченная в «Скифском романе», эта линия связей Ростовцева со шведскими, норвежскими и финскими учеными (Туре Арне, Бреггером, Таллыгреном в Финляндии) сама по себе неожиданна в контексте исторического развития «Варангики», казалось бы, далекой от основных интересов Ростовцева темы русско-скандинавских связей в рамках так называемого «варяжского вопроса»¹⁹.

Это – еще одно свидетельство происходившего в начале XX века «выравнивания», синхронизации темпов и форм развития русской и западноевропейской археологической науки, деформированного в следующие десятилетия и не без усилий восстанавливающегося сейчас²⁰. В Англии, как и в Швеции, М.И. Ростовцев обнаруживает сохраняющееся и даже возрастающее стремление к восстановлению и развитию научных отношений с Россией (с. 124 сл.). Г.М. Бонгард-Левин публикует и комментирует документальные материалы, свидетельствующие об интенсивности и плодотворности этой работы. Подготовленная и изданная «История Юга России», почетная докторская степень и лекционный курс в Оксфорде дополняются продолжением конкретных исследований, организацией «гуманитарной помощи» ради сохранения российской науки.

Историческая действительность, конечно, вносила существенные и порою горькие коррективы в органичное развитие европейской и российской науки. Для М.И. Ростовцева показателен, начиная с первой мировой войны, разрыв с Германией. Довоенным научным контактам в послевоенные (оказавшиеся межвоенными) годы противопоставляется новая, преимущественно англо-американская ориентация. Столь актуальное в наши дни противопоставление («демократия и тоталитаризм») уже в те годы, однако, таило предостерегающие уроки. «Все достижения русской исторической науки, выяснившей движение России по тому же пути, по которому прошли и западноевропейские нации, остались вне поля зрения германских историков... Россия – пугало, губительница культуры, не принадлежащая к семье европейских народов», – писал Ростовцев еще из России в 1916 г. (с. 127). Однако и Оксфорд встретил его с обескураживающим безразличием, и акцент в английском произношении, оказалось, значил больше, чем «достижения русской исторической науки» (с. 156).

Америка стала и осталась для М.И. Ростовцева и его семьи более спокойным и достойным прибежищем. Висконсин и Йель, два особых этапа «адаптации» русского

¹⁸ Лебедев Г.С. Региональная культура Северо-Запада России как объект междисциплинарного исследования // День науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: гуманитарная культура как фактор преобразования России. Материалы международной научно-практической конференции 21–22 мая 1998 года. СПб., 1998. С. 142–144.

¹⁹ Лебедев. *Жизнташвили*. Ук. соч. С. 9–10.

²⁰ Лебедев. *История отечественной археологии...* С. 371–393.

историка к эмигрантскому бытию со скрупулезной тщательностью впервые изучены и представлены в исследовании Г.М. Бонгард-Левина и его коллег. Впервые мы можем оценить роль У.Л. Вестермана в трудоустройстве Ростовцева, и вновь пронзительно актуальными выглядят организационно-бытовые подробности (зарплата USD 5.500 в месяц при нагрузке в 4 часа лекций, 2 часа семинара и 2 часа дискуссий и консультаций в неделю), бюрократическая переписка и унижения проверок, дружелюбие коллег, чего не было в Оксфорде (с. 156). Но и в Америке прорывается с горечью: «Если бы Вы знали, как трудно читать лекции на чужом языке, а особенно на английском» (там же). И при этом полнообъемная программа по римской и русской истории, методам историко-археологических исследований встречает более чем прохладное отношение в провинциальном американском университете, демократия на поверку – не лучше рухнувшей или создаваемой большевиками империи, «настоящая наука здесь – только слова» (с. 158).

Горечь этой оценки несколько смягчает действительность последующих десятилетий. После трудоустройства в Йельском университете и получения американского гражданства (1929 г.) М.И. Ростовцев получил возможность осуществить по крайней мере наиболее масштабные из своих научных замыслов. Его исследования по античной истории увенчала трехтомная «Социальная и экономическая история эллинистического мира» (1941 г.). Изданная в Англии, она завоевала в послевоенные годы всемирное признание ученому. Обосновавшись в Нью-Хейвене (до конца дней), М.И. Ростовцев в 1935 г. был избран президентом Американской исторической ассоциации – честь, которой ранее никто из эмигрантов (по крайней мере русских) не удостоивался.

Йельский университет оценил масштабность замыслов и потенциал М.И. Ростовцева, и под его научным руководством в течение десяти лет работала археологическая экспедиция, осуществившая раскопки и публикацию материалов Дура-Европос. Без преувеличения, эти работы – крупнейшее из научных предприятий М.И. Ростовцева, наряду со «Скифией и Боспором», «Социальной и экономической историей эллинистического мира» составившее основной фонд его научного наследия, определив уникальный и грандиозный вклад ученого в развитие мировой исторической науки. Сам он небольшую книжку о материалах этих раскопок – «Дура-Европос и ее искусство» (1938 г.) – считал лучшей из своих книг.

Осмысление исторических путей и значения античной цивилизации обращает Ростовцева от Рима, Средиземноморья и Ближнего Востока далее на Восток. В 1937 г. он предпринял длительное путешествие в Индию. Судьба распорядилась таким образом, что более полувека спустя мне довелось, по крайней мере частично, проехать тем же маршрутом от Бенареса до Калькутты, так что есть возможность не только разделить с Ростовцевым непосредственность впечатлений, например, от всеиндийского святилища и места первой проповеди Будды в Сарнатхе или грандиозных сооружений царя Ашоки, но и оценить емкую точность его наблюдений об этой стране. «Очень напоминает Россию. Страна мужицкая по преимуществу, почти без буржуазии, с очень небольшой группой интеллигентов... Но главное, страна храмов. Впечатление то же, что было в России до большевиков: глубоко религиозная страна. Но боюсь, что как и в России, это только мираж...» (с. 186).

М.И. Ростовцев не ошибся в оценке глубокой укорененности культурного потенциала Индии в многотысячелетнем прошлом ее органичной и мощной культуры, с глубокой древности ощутимо воздействовавшей на культуру окружающих стран и народов. От него не ускользает идентичность индо-парфянских драгоценностей и украшений с сарматскими, равно как изоморфность индийской религиозной, художественной, городской культуры «античному политеизму». Сегодня мы можем уверенно опираться на эти наблюдения и выводы историка, открывшего для себя новый и почти неизученный мир Гандхары и Кушанского царства, раннего буддизма Ашоки и первых городов Хараппы. Объективная оценка этого историко-культурно-

го фонда подводит вплотную к необходимости пересмотреть «европоцентричную» картину исторического мира²¹.

Панорама по существу глобального охвата историко-культурного пространства в историческом времени от «завязки» эллинистическо-восточного синтеза, предва- рившего структуру последующих мировых империй и до эпохи глобальных ката- строф, мировых войн и революций XX века, дополнена панорамой близкого круга человеческого общения М.И. Ростовцева. Третью и четвертую части «Скифского ро- мана» составляют очерки, построенные главным образом на переписке, и сама эта переписка М.И. Ростовцева, охватившая различные слои петербургской и зарубеж- ной интеллигенции от великого князя Константина Константиновича (поэт и драма- тург К.Р.) и других мастеров «серебряного века» – К.А. Сомова (портрет Ростовцева его работы вынесен на фронтиспис издания), Ивана Бунина, Владимира Набокова – к более близким коллегам – историкам, филологам, византинистам, включая Вяч.И. Иванова, многолетняя дружба с которым началась с дореволюционных ко- мандировок в Рим, А.А. Васильева и Г.В. Вернадского, в течение 60 лет остававшие- ся неизменными корреспондентами, единомышленниками, а во многих начинаниях и сотрудниками М.И. Ростовцева. С.А. Жебелёв, Ф.И. Успенский, И.В. Помяловский, С.Ф. Платонов, Б.В. Фармаковский – наиболее тесный круг академических коллег, с которыми в дореволюционные годы осуществлялась планомерная и успешная рабо- та по созданию школы отечественного антико- и византиноведения и которые в со- ветское время остались недостижимыми для эмигранта, следившего с тревогою и не- гаснущей надеждой за перипетиями их судеб и трансформациями когда-то общих на- учных планов. Собственная работа Ростовцева за границей была бы невозможна без английских и американских друзей, сотрудников и учеников. Один из них, Эллис Хо- велл Миннз, приобщился к русской культуре, науке и языку еще в 1898–1901 гг. и с тех пор оставался неизменным корреспондентом М.И. Ростовцева, причем послед- ний далеко не во всем принимал выработанные Миннзом взгляды на исторические процессы античности в Причерноморье и на территории Южной России. Миннз, од- нако, стал крупнейшим экспертом в этой области знания, оба они, как и А.М. Талль- грэн (еще один из давних и постоянных корреспондентов М.И. Ростовцева, хорошо знавший Россию с дореволюционных времен), сознавали значение для мировой исто- рии евразийского степного пространства от Паннонии до Великой Китайской стены, сохраняя надежду на дальнейшее взаимодействие в этих исследованиях ученых За- падной Европы и России, а потому особо внимательно отслеживая текущие события в советской археологии поры становления «марксистско-ленинской исторической науки».

В этой переписке немало нового и познавательного для историка русской культу- ры XX века. Безусловно, особая сторона исследовательского и преподавательского таланта М.И. Ростовцева раскрывается в его работе над таким произведением, как «Царь Иудейский» великого князя Константина Константиновича. Здесь он высту- пил в роли авторитетного эксперта, как столетием раньше – А.Н. Оленин в «архео- логическом комментарии» к переводу «Илиады» Гнедича²².

В переписке с семейством Вильямсов (прежде всего А.В. Тырковой-Вильямс) М.И. Ростовцев мог поделиться вечной эмигрантской болью сердца. Без коммента- рия можно и должно оставить восприятие событий первых недель гитлеровского на- падения на Советский Союз, когда в июле 1941 г. Ростовцев писал: «Следим за тем, что делается в России. Согласен с Вами. Посмотрим. Но много неожиданного. По- вторяю, мы полуслепые щенки. Предвидеть не научились» (с. 499). В годы войны М.И. Ростовцев за свой счет снаряжал вагоны продовольствия для Красной Армии.

²¹ Лебедев Г.С., Чирятов М.Н. Особенности исторического процесса в свете учения Жи- вой Этики // Пути восхождения: материалы международных общественно-научных конферен- ций (1993–1994). М., 1995. С. 121–141.

²² Файбесович В.М. А.Н. Оленин – исследователь древнего оружия и основатель Рюстка- меры Академии художеств: Автореф. дис... канд. культурологических наук. СПб., 1997.

но и в разгар Великой Отечественной, как и после нее, было ясно: «Нас в нынешней России не хотят, и контакт с ней был бы очень тяжелым испытанием» (с. 500). Переписка с Н.Я. Марром, главою ГАИМК, проливает некоторый свет и на те обстоятельства, по которым такой контакт «был бы очень тяжелым» не только со стороны властей, но и коллег, ставших советскими академиками (с. 414–415).

Парадоксальна и требует особого размышления тема нарастающего почти с той же силой неприятия и окружавшей Ростовцева либерально-демократической действительности США межвоенных десятилетий. Он делится мыслями об этом с Тырковой-Вильямс еще в 1920 г.: «Я все белею и даже американскую демократию воспринимаю с трудом» (с. 482). Три года спустя в наиболее задушевной и глубокой по содержанию переписке с Н.П. Кондаковым М.И. Ростовцев обобщает положение ученого в катастрофическом, потребительском и тоталитарном при всем разнообразии организационных форм его мире XX века, прагматично готовом к любым эгоистическим компромиссам: «Нас, антибольшевиком, англичане считают в душе русскими реакционерами. Quem vult perdere...» (с. 437); «Наше поколение обречено, Никодим Павлович, и в России, и вне ее, и выхода нам, кроме как в безвоздушное пространство науки, нет» (с. 452).

«В безвоздушном пространстве науки», однако, возникали новые «опоры и мосты» духовных и профессиональных связей – И.И. Бикерман, выдающийся историк эллинистической и раннехристианской эпох мировой истории, У.Л. Вестерманн, проявлявший глубокое участие не только в устройстве судьбы Ростовцева, но и в главных научных его предприятиях. Крупнейшее из них, раскопки Дура-Европос, объединило вокруг ученого новый «незримый колледж», к тому же связанный и прямыми организационными отношениями археологической экспедиции: К. Хопкинс, Дж. Эйнджелл, В. Кросс, Ч.Б. Уэллс (в котором Ростовцев видел своего преемника и продолжателя). В этой части переписки содержится очень ценная информация по организации раскопок Дура-Европос – ключевого памятника на эллинистическом Востоке. М.И. Ростовцев подробно обсуждает результаты первых работ 1928–1929 гг., атрибуцию открытой раскопками цитадели, возможность того, как римский военный городок был превращен во дворец парфянского правителя. Первые оценки городского святилища Тюхе Дура, 250 надписей, подробности технической организации и планы работ, позволяющие представить напряжение полевых сезонов, раскрываются в этой переписке с новыми коллегами и сотрудниками.

Заключает том публикация некоторых научных материалов М.И. Ростовцева. Наиболее значим из них, вероятно, меморандум о Дура-Европос, охватывающий итоги нескольких лет исследования этого памятника.

Вероятно, вводные и общие очерки о жизни и деятельности ученого следовало бы в первую очередь дополнить характеристикой Дура-Европос – наряду со «Скифией и Боспором» самого масштабного вклада М.И. Ростовцева в историческую науку, тем более важного, что отечественный читатель, да и широкий круг профессионалов-историков до сих пор не имеет реальной возможности ознакомиться с этими выдающимися результатами. Между тем впервые был систематично изучен город эллинистическо-парфянского времени, основанный Селевкидами в Сирии. В Дура-Европос на уровне городской культуры и политической повседневности в течение веков взаимодействовали приходившие с войсками завоевателей македонцы, семиты, иранцы. Город последовательно побывал в составе Селевкидской и Парфянской держав, затем стал частью римской провинции, «полигоном» романизации Востока при Марке Аврелии. Городская планировка и архитектура этой поры, как в Помпеях, сохранилась в неприкосновенности: Дура-Европос была погребена песками в 256 г. Именно поэтому систематично была изучена эллинистическая планировка, приспособленная к потребностям восточного города на караванной дороге, укрепления, храмы, бани, частные дома. Вероятно, будущие десятилетия позволят поставить этот город античного Востока в один ряд с такими всемирно известными памятниками, как Помпеи и Геркуланум в Италии.

Материалы Дура-Европос раскрыли неизвестные ранее стороны эллинистического искусства: скульптура, живопись, росписи храма Пальмирских богов, открытого еще до раскопок Ростовцева, и исследованные экспедицией росписи христианского баптистерия III в. (самого раннего памятника христианской стенописи), одновременные им росписи и рельефы святилища Митры, соперника Христа в воинских культах римских легионов, наконец, совершенно неожиданная в религиозной практике иудаизма живопись синагоги – единственные в своем роде иллюстрации Библии. Фонд источников пополнили также сотни греческих, латинских, семитских и иранских надписей, папирусов и пергаментов, включая блок римской военной документации.

Необходимо отметить также отчет Ростовцева о командировке в Италию с подробной характеристикой укреплений Рима, состояния и перспектив раскопок на Палатине и Капитолии, актуальные и в наши дни²³, заметки об Индии, конспекты лекций и программы курсов. Публичную лекцию 1944 г. «Древний мир и современность», в которой М.И. Ростовцев раскрыл сущность эллинизма как масштабного исторического явления, предопределившего культурное единство античного мира в эпоху Римской империи. Вселенские параллели, впервые намеченные им еще до исхода второй мировой войны, все более актуальны сейчас и вполне оправдывают заключение публикатора этих материалов Ю.Н. Литвиненко: «Ростовцев был первым в ряду великих историков нашего столетия – одновременно историком, художником и пророком» (с. 588). Таково исчерпывающее определение позиции М.И. Ростовцева в мировой и отечественной науке и культуре. Хвала Творцу, эта оценка вынесена на суд общественности в тот момент, когда задача планетарного самосознания человечества становится условием его выживания на планете.

Самопознание (рефлексия) археологической науки развивается параллельно и во взаимосвязи с этим общекультурным и общенаучным процессом²⁴. Рефлексирующая археология оценила принципиальную ограниченность, равноценность и взаимную дополняемость собственных парадигм, подчиненных «принципу дополнительности» Нильса Бора (когда самые верные идеи настолько глубоки, что противоположные им – тоже верны), т.е. парадигмы становятся взаимодополнительными способами и средствами единого многоаспектного объекта познания («объединенная археология» Ярослава Малины).

В этом контексте еще более поучительна и важна дальнейшая судьба научного наследия М.И. Ростовцева. Созданная им парадигма («комбинационизм», по Клейну, или, быть может, «структурно-системная стратегия» культурно-исторического исследования) развивалась параллельно «социоструктурной» парадигме Гордона Чайльда (выработанной не без воздействия «теории стадильности» советских археологов-марксистов). Такой же «параллельной версией» стала и эпистема Ростовцева, его реконструкция раннеисторических процессов Евразии, эллинистического Востока, Римской империи, составивших фундамент современной цивилизации и определивших ее видовые особенности. Связь этих исследований с крупнейшей из предреволюционных работ Ростовцева, «Скифией и Боспором», разворачивается в многолинейное взаимодействие как с предшествующими, так и последующими трудами этого выдающегося ученого, может быть, самого значимого в российской археологии и исторической науке XX века.

²³ Лебедев Г.С. Рим и Петербург: археология урбанизма и субстанция Вечного города // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 47–62.

²⁴ Daniel G.E. A Hundred Years of Archaeology. L., 1950; *idem*. A Hundred and Fifty Years of Archaeology. L., 1975; *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961; *он же*. Страницы истории русской археологии. М., 1986; *Klejn L.S.* A Panorama of Theoretical Archaeology // *Current Anthropology*. 1977. № 18 (1). P. 1–42; *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб., 1993; *Malina J.* Archeologie vchera a dnes. Brno, 1981; *Лебедев*. История отечественной археологии...

Соотношение внутринаучной рефлексии с конкретно-историческим постижением реальной истории, оценки и самооценки исследователя как субъекта исторического процесса – с точным знанием далекого прошлого – новая, весьма масштабная методологическая проблема, боюсь, выходящая за пределы имеющейся научной парадигмы.

Безусловно, как уже говорилось, М.И. Ростовцев – крупнейший из представителей и самое яркое порождение «петербургской научной школы» российской археологии, и вполне закономерно, что рефлексия этой школы с неизбежной определенностью возвращается к этой масштабной персоне, воздавая в конечном счете пусть запоздалое, но должное место исследователю в мировом и национальном научном процессе. Тем более важно, что монументальное оформление этого замысла осуществилось в центре российской науки, и лучшие академические силы Москвы выступили инициаторами, поддержали и весьма существенно дополнили молодых петербургских коллег в этом осуществлении. Однако мы должны помнить, что именно «город трех революций» Петербург–Петроград–Ленинград обрек на изгнание М.И. Ростовцева, и он же взрастил и сохранил научную школу, которая возвращает академика (1917 года избрания!) на заслуженно почетное место в отечественной науке. Почему и зачем дан был этот без малого вековой искус?

Горестная и героическая фигура М.И. Ростовцева поднимается на горизонте нашего сознания, словно несет в себе искомый ответ. В Риме спустя полвека после его ухода из жизни, после первой «археологической прогулки» по Форуму в тишине душевной римской ночи возникает почти физическое ощущение его присутствия и голоса, обращенного к нам. Может быть, и благодаря тому, что в покинутом им университете не прерывалась живая связь преемственности. Последняя из петроградских студенток М.И. Ростовцева, Мария Александровна Тиханова (1900–1981) до конца своих дней оставалась нашей неизменной наставницей, многократно возвращаясь в своих лекциях и воспоминаниях к учителю и отстаивая ту героическую конкретику его эпистемы, когда «Готская держава» Причерноморья балансировала на той же грани запретности, что и «варяжский вопрос». Именно ей на экспертизу я принес первые наброски программы лекционного курса по археологии железного века Европы более тридцати лет тому назад и получил от нее весьма существенные подкрепления и наставления. На третий год чтения курса стала ясной необходимость его дополнения курсом истории отечественной археологии, и другой почитатель и продолжатель дела Ростовцева, заведующий кафедрой археологии ЛГУ профессор М.И. Артамонов настоял на включении этого курса в стабильную сетку часов программы кафедры. С 1972 г. научная биография М.И. Ростовцева, история его «Скифии и Боспора» преподавались как одно из фундаментальных оснований современной российской археологии, а двадцать лет спустя этот курс был опубликован в объемном, но малотиражном издании²⁵.

Кризис гуманистической культуры перед ее глобальной трансформацией, развернувшийся через все беспримерное по своей напряженности XX столетие, ранее и острее всего проявился в России. Пролетарская революция 1917 г. в нашей стране стала трагическим прологом глобальной революции научно-технической (собственно, ее предпосылки в России и должна была обеспечить реализация ростовцевской программы «Науки и революции», написанной в 1917 г.). Но социализм, ценой жестокой концентрации усилий построенный в одной стране, тоталитарный сталинский социализм, как и предвидел Ростовцев и многие его современники, не был способен к такому по существу формационному переходу. Успешную научно-техническую революцию (тем более с учетом порождаемых ею эколого-культурных проблем), в отличие от революции политической, силами одной страны совершить нельзя. Она требует глобализации человеческой деятельности. И в этой деятельности решающим условием становится способность «отстоять и выстрадать идеал свободного ис-

²⁵ Лебедев. История отечественной археологии...

следования». Идеал интеллектуальной свободы, отстраненный от пафоса «мировой революции», объединил полвека спустя академика А.Д. Сахарова с этой «завязкой» спора, начатого Луначарским и Ростовцевым. Проблема в том, как этот идеал из «безвоздушного пространства науки» перенести на грешную землю и сделать ориентирующей функцией человечества.

Не знаю решения этой проблемы. Двадцать семь лет назад на теоретическом семинаре Л.С. Клейна, под живым впечатлением выступлений М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, М.А. Тихановой – той самой «плеяды», замыкавшей на наших глазах и в нашей жизни «генерационный разрыв» научной школы после отъезда Ростовцева, я выдвинул «ненаучный» (или вненаучный) методологический тезис: «критерий истины – субъективная честность ученого». Опровергать резонные возражения тогда казалось совершенно невозможным. После четверти века занятий историей отечественной археологии становится все более понятным – «рефлексирующая археология» неизбежно связывает «интеллектуальную честность» с этическими проблемами²⁶. Ввязываясь в «диалоги ушедших», мы становимся свидетелями (и соучастниками) трагических коллизий. Нужно быть готовыми к горьким открытиям в отношении как своих давних или недавних предшественников, так и современников, и самих себя.

Археологам естественнее, чем кому бы то ни было, ответственно подойти к такому, казалось бы, привычно историографическому «диалогу с мертвыми». Костяки катакомб и подбоев, как и создатели любых доступных нам древних артефактов, – неизменные и обязательные участники этого диалога, коль скоро мы изучаем не только сами по себе вещи, но и скрытых за ними в потоке времени людей.

«И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить во след их: то Я обращу лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее. Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волховать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них» (Левит, 20, 6, 22, 27). Весьма суровое запрещение Ветхого завета адресовано людям нашей профессии. Остается уповать лишь на то, что Тот, Кто явился две тысячи лет тому назад принять на себя грехи мира, отпустит нам и этот наш грех. Крест познания тяжек.

Авторы «Скифского романа» взяли на себя нелегкий и ответственный труд диалога с ушедшими, развернутого среди живых. Среди множества бесспорных достоинств этого произведения проступают достаточно отчетливо объективные и субъективные его недостатки. Сама грандиозность предпринятого труда обусловила неизбежную в сегодняшней нашей действительности его изысканную и весьма дорогую форму. Вероятно, даже в Москве книга доступна лишь весьма состоятельным библиофилам, достаточно далеким от конкретики историко-археологической проблематики М.И. Ростовцева. Труд этот, однако, остро необходим и широкому кругу специалистов, а еще более – новому поколению студентов и не только археологов. Монография – превосходный образец прежде всего источниковедческой работы высококвалифицированных специалистов, готовое и весьма наглядное пособие для подготовки историков этого профиля. Очевидно, необходимо специально позаботиться о том, чтобы она оказалась на полках читальных залов учебных библиотек основных гуманитарных институтов и соответствующих университетских факультетов. При минимальной доступности книги такого рода самим своим существованием обещают качественный сдвиг в профессиональной подготовке новых поколений историков.

Подходя к ней с этой точки зрения, обнаруживаешь новую грань академической «элитарности» выполненного издания. Оно рассчитано, вольно или невольно, на аудиторию, знакомую с деятельностью Ростовцева по крайней мере в той же степени, что и авторы. По мере сил я попытался восполнить основные лакуны исследова-

²⁶ *Cleere H.* Code of ethics // European Association of Archaeologists (EAA) 2nd Annual Meeting. Programme and Abstracts. Riga, 1996. P. 20; *Collis J.* The Education of Archaeologists // EAA 4th Annual Meeting Abstracts Book. Geteborg, 1998. P. 181.

тельских очерков книги, которые необходимо должны были содержать базовые справочные сведения об основных исследованиях М.И. Ростовцева: «Скифия и Боспор», «Дура-Европос», «Социальная и экономическая история эллинистического мира». Вероятно, университетскому преподавателю легче оценить и принять необходимость такого рода «конспектов», но в современной культуре и они становятся существенной составляющей рефлекслирующей историографии.

В определенной мере именно эта работа была в свое время выполнена автором этой статьи²⁷. «Оксфордский снобизм», с которым в рецензируемом издании даны две ссылки на эту учебную монографию исключительно в связи с иллюстративным материалом (с. 79, 82), забавным образом перекликается с некоторыми из рассмотренных выше сюжетов и коллизий, повлиявших на судьбу М.И. Ростовцева и науки в России и современном мире. Тем больше оснований распространить на сегодняшние отношения уроки «рефлекслирующей археологии». Не хотелось бы, чтобы великолепно изданный «Скифский роман», как и скромная малотиражная «История отечественной археологии» и другие книги этого ряда, объединил бы горестный призыв, вынесенный графом А.С. Уваровым на титульный лист его «Археологии России»: «Кто в поле жив человек, отзовися»²⁸.

Мощь и масштаб фигуры М.И. Ростовцева внушает надежду на то, что этого не произойдет: снова, а может быть, как никогда – он с нами, а следовательно, мы не одиноки «в безвоздушном пространстве науки». При всех возможных издержках этим захватывающим странствием в «космосе культуры» мы с признательностью обязаны и тем, кто на исходе XX столетия взял на себя и в общем блистательно справился с грандиозным предприятием, вполне достойным памяти М.И. Ростовцева – историка, художника и пророка новейшего времени.

«Скифский роман» может стать своего рода краеугольным камнем достойного памятника ученому, а может быть, и в целом нового здания нашей науки. Это произойдет, если удастся извлечь методические уроки «рефлекслирующей археологии» и сделать из них практические выводы, а именно: следующим шагом должно бы стать комментированное издание *opera omnia* М.И. Ростовцева в России и на русском языке. Прецеденты такого рода издания «первопроходцев» субдисциплин исторического знания, объединяющие их труды с основными достижениями последующих поколений, уже имеются²⁹. Только тогда, располагая полным, организованным и доступным фондом научного наследия М.И. Ростовцева, соотнесенного с деятельностью последователей и адресованного новым поколениям, мы с чистым сердцем сможем сказать себе и миру: мечта и боль всей его жизни осуществилась, и трагический в общем «роман» его завершен, как любая Одиссея, возвращением героя. Следующее столетие может и должно завершить начатое – полноценно вернуть замечательного русского ученого М.И. Ростовцева России.

«THE SCYTHIAN NOVEL» AND ITS HERO: M.I. ROSTOVZEFF
AND HIS PLACE IN THE HISTORY OF RUSSIAN SCHOLARSHIP

G.S. Lebedev

The article discusses the book «The Scythian Novel» (Moscow: Rospen, 1997), devoted to the life and works of M.I. Rostovtzeff. The author gives an account of the development of archaeology in Russia and shows Rostovtzeff's role in it. In the author's opinion, the presentation of the great scholar's life simulates the process of self-knowledge of Russian historical and archaeological scholarship. The book discussed is the first landmark on this way.

²⁷ *Лебедев. История отечественной археологии... С. 381–394, 412–420, 444–451.*

²⁸ *Уваров А.С. Археология России. Ч. 1. Каменный период. М., 1881.*

²⁹ *Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Издание с дополнениями М.И. Пыляева, научным комментарием, полным именовым указателем, аннотированными иллюстрациями / Сост. В.А. Витязева, О.В. Миллер. СПб., 1996.*